

Виктория Ленц

Ведьма порешает!

1 СЕЗОН

Виктория Ленц

Ведьма порешает! 1 сезон

<https://litres.ru/74251453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жила в густом лесу на болоте страшная ведьма, и звали её Василиса. И ненавидела Василиса людей, и ничего решать не собиралась но раз арктический гектар ей дали, и в Ямало-Ненецком автономном округе как ведьму зарегистрировали, то теперь проблемы нечисти этого гектара это проблемы самой Василисы. Которые решать придётся.

Впрочем, против местных пьющих дедков-леших, блудной русалки, сбежавшего из города сварливого домового, угнавших пазик кикимор, и прочих тварей и не только по паре против них Василиса ничего не имеет.

Василису абсолютно не устраивает:

- Выловленный кикиморами потерявшийся не утопленник;
- Который, вообще, не сам по себе из байдарки выпал и к ним заплыл;

- До которого Василисе не было бы никакого дела, если бы не его дар, семейный артефакт, и что дядька Савельич этот подарок на её гектаре по доброте души русской уже тоже зарегистрировал

Северные боги, Василиса возмущена его стремлением помочь каждой твари на её гектаре, она сама всё порешает!

Содержание

Эпизод 1: Передавай за проезд!	4
Э	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ведьма порешает! 1 сезон

Эпизод 1: Передавай за проезд!

Роман Георгиевич Воронцов верил в удачу. Он верил в удачу, когда отстал от группы, верил в удачу, когда его байдарка зацепилась за подводные корни какого-то раскидистого дерева и, покачнувшись, эффектно перевернулась, пробив ещё и борт. Роман наглотался воды, попал в какие-то водоросли, запутался, выбрался, промок с головы до пят, но всё ещё верил — в удачу.

Воронцов продолжал верить в удачу, когда выкарабкался на берег, когда брёл по лесу, промозглому, северному, во-все забывшему про солнце. Когда застревал в мшистых низинах и ботинки хлюпали так, будто это уже не обувь, а два маленьких болотца. Когда у него один ботинок остался. Когда куртка прилипла к телу, а в кармане шлёпала вода, и когда желудок с урчанием напомнил, что сегодня был только кофе и хот-дог на заправке да печенье, которое он пожевал на старте.

Даже когда на лес опустился туман — плотный, белый, и стало так холодно, что зубы у Романа начали стучать совершенно буквально, он никогда не думал, что так бывает, и это не фигура речи в книжках, — даже тогда он продолжал надеяться на какую-то нелепую, абсурдную, но такую свою удачу.

Воронцову всегда везло. Он родился везунчиком. Даже если он задышался от сырости и хвои, а голова кружилась.

И вот — удача. Роман вышел на дорогу. Она была земляная, местами колея настолько глубоко уходила под грязь, что там можно было утонуть. Слева тянулся лес — ёлки, не-ёлки, но с иголками, берёзы, не-берёзы, но с полосками, какие-то колючие кусты... Роман не разбирался в деревьях русского Севера. Справа тоже не-ёлки, но под ними начиналась топь, чуть дальше жутко поскрипывали кривые деревья. Влажный туман стелился по дороге, клубился у кочек и оставлял на ресницах росу.

В этой сырости вдруг замелькали огни. Фары. Старые, покрытые пыльной плёнкой, фары выглянули из тумана, как глаза зверя. Машина ехала медленно. Роман прищурился и всмотрелся в её очертания: ага, ехала она максимально быстро, как только могла.

Это был пазик.

Роман видел такой впервые сегодня утром — мельком — когда коллеги, вчера вдохновлённые успешно заключённой сделкой, решили устроить корпоративный «поход на байдарках». Заказали вертолёт, полетели куда-то севернее, там, где они приземлились, гордо стояла накренившаяся табличка «Васьково». Там их ждала буханка, Роману коллеги гордо показали это «чудо советского автопрома», которое «везде проедет», и «у вас такого точно нет». И когда они селись, по этому, как Воронцов посудил, маленькому аэропор-

ту, проехал пазик. Роман заметил его в окно и пошутил, мол, тоже чудо советской инженерии? «Пазик» ехал, хотя выглядел настолько старым, что давно должен был развалиться на детали. Весь в грязи, с облупленной краской.

– Динозавр эпохи СССР! – пошутил один из его коллег.

– ... который всё никак не хочет вымереть, – закатил глаза второй.

И вот теперь — второе чудо-ветеран, тоже на ходу, и ехал прямо к нему.

Мимо него.

— Эй! Погодите! — заорал Роман и бросился следом. Голос был севший, но отчаянный. Роман размахивал руками, ногу пронзило болью, всё-таки подвернул, но не замечал, пока шёл медленно. – Подождите!

Пазик проехал ещё пару метров, фыркнул вонючим выхлопом и затормозил. Скрип тормозов был такой, что у Романа по спине пробежал холодок. Или дело было в выпавшем болте, который брякнул на дорогу?.. Воронцов подбежал, открыл дребезжащую дверь, влез внутрь и замер.

Автобус был древний. Настолько древний, что казалось — он не просто помнил советские времена, но и царей мог застать, если бы только его пораньше изобрели. Потолок местами провис, в окнах трепетали остатки занавесок, цвет которых угадывался только по упрямой памяти ткани. В цветочек. Металлические поручни были облезлыми, с облупленной краской и липли к рукам. Внутри воняло бензином —

густым, тяжелым, который, казалось, въедался в кожу. Где-то в глубине салона пыль буквально заменяла воздух. Пахло ржавчиной, бензином, болотом и... тухлой рыбой?

Роман, ничего не говоря, пошарил по карманам и сунул водителю всё, что у него было. Он даже не смотрел, сколько. Какие-то мятые мокрые купюры, мелочь, может, один евро-цент случайно попал. Всё равно он плохо понимал в рублях. Он снял вчера немного с банкомата в отеле, разменял в автомате с кофе — просто чтобы был запас «на сувениры». Его семья где-то в глубине души, наверное, по родине скучала. Пускай даже дед Воронцова в России никогда не был, а сам Роман впервые ступил на эту землю — когда вчера вышел из самолёта.

Но теперь эти «сувениры» уехали к водителю, на которого Роман даже не глянул. Потом поймёт, что зря, и посмотреть на водителя стоило. Потом.

В салоне сидели три бабульки. Сутулые, в пёстрых выцветших платках, одежде, тоже пёстрой, не по размеру. У каждой — по огромной корзине, как будто они перевозили половину урожая всего региона. Каждая корзина была покрыта ещё одной пёстрой тряпкой, так что Роман не мог догадаться, что внутри. На последнем ряду сопел дед. Рядом с ним стоял деревянный короб, обтянутый верёвками и тоже прикрытый, но не закрытый до конца. В нём что-то постукивало — может, банки, может, камни, может, детали. А может, души предков.

Бабульки двигались как одна и сверлили Романа взглядами.

Воронцов кивнул и рассеянно:

— З-здравствуйте... — сказал он по-русски, пускай и с акцентом. Коллеги смеялись, назвав его акцент «шармант». Сам Роман этой шутки не понимал, но кивнул.

Бабульки перестали пожирать его глазами и, снова синхронно, как по команде, отвернулись к окнам. Пазик фыркнул снова, дёрнулся назад, будто собирался передумать ехать вовсе, но тронулся с места.

Пазик въехал обратно в туман, который тут же сожрал его целиком. За окнами пополз пейзаж, унылый и безнадёжный. Ёлки, не-ёлки, некоторые были кривыми, не-ёлки пониже, не-ёлки повыше с костлявыми ветками-руками. Они бились в стекло пазика, но тот упрямо пыхтел и ехал дальше. Роман всё еще ничего не понимал в местной флоре, но начинал радоваться, что не встретил фауну, пока брёл по лесу. Что ж, Воронцов верил в удачу, и она снова его не подводила!

За окнами было тоскливо. Лес стал ещё гуще и темнее. Деревья росли неровно. Много сломанных елей и не-елей — то ли бурей поломало, то ли... Роман глянул на бабулек, но передумал спрашивать, какие тут водились звери. Они только-только потеряли к нему всякий интерес.

Медведи, скорее всего. Воронцов усмехнулся: ему французские коллеги наставляли, мол, едешь в Россию, обязательно сфотографируй медведя. Лучше двух. Роман отмахивался.

вался тогда, мол, что за стереотипы. Теперь, смотря на погнутые деревья, Роман как-то даже начинал надеяться, что это были медведи. Целое стадо! Стая?.. Группа?.. Да уж, Воронцов не разбирался не только в местных деревьях.

Пазик упрямо пробирался сквозь туман. Роман продолжал смотреть в окно. Под деревьями лежали кучки веток, ключья мха, кое-где торчали пни. Неба не было видно вообще — всё закрывал серый туман и лапы не-ёлок. Ничего живого. Ни домов, ни людей, ни зверья. Только мрачный, мокрый лес. Воронцов старался не думать, ищут его или нет. Не найдут.

В салоне было хоть чуть теплее, чем снаружи. Роман сидел в мокрой одежде и одном ботинке, подумывая избавиться от него вовсе. Всё тело ныло, особенно плечи и спина. Холод въелся под одежду, забрался под кожу. Зубы перестали стучать, и на том спасибо.

Роман глубоко вдохнул — запах бензина резал нос, но хотя бы напоминал, что он не один. Вокруг были люди. Молчаливые, странные, непонятные — но люди. И пазик ехал. Значит, всё ещё могло быть нормально. Хотя бы теоретически.

Пазик трясся на каждой кочке. Скрипел всеми деталями сразу. Где-то под полом гремело железо, в правом окне дребезжала рама, а в районе потолка постоянно что-то постукивало и иногда капало непонятно чем. На поворотах автобус кренился, как лодка. Здесь их было много, Роман не понимал, почему дорогу через лес нельзя было проложить на-

прямую, но пазик входил в новый резкий поворот буквально каждые три минуты. Хотя бы весь пейзаж был абсолютно плоским, а то Роман сомневался, что это чудо на колесах заберется даже в небольшую горку.

На каждой кочке или ямке пассажиров чуть подбрасывало вверх. Воронцов сначала держался за поручень. Крепко, обеими руками. На одном особенно резком повороте его качнуло, и он стукнулся виском о стекло. Получилось довольно громко — глухой «тук». Бабульки никак не отреагировали, только дедок на заднем ряду всхрипнул.

Роман потёр лоб, огляделся и заметил, что бабульки вообще не держатся. Они просто сидели себе, как сидели. Когда автобус подпрыгивал, они тоже чуть подпрыгивали и тут же спокойно плюхались обратно на сиденья. Без крика, без страха. Словно катались так с детства. Хотя. Нет, не «словно», этот пазик явно с детства их и катал.

Воронцов тоже решил попробовать. Отпустил поручень, выпрямился. В этот момент автобус снова налетел на какую-то кочку. Романа подбросило, и он тут же вывалился в проход между сиденьями. Шлёпнулся боком, задел чью-то корзину. Та издала странный звук — там, кажется, был живой... петух?

Роман зажмурился.

— Извините, — буркнул он, пытаясь встать.

Одна из бабушек хмыкнула, но не сказала ни слова. Петух тоже промолчал, только из-под пёстрых платков уставился

на Романа, как будто запомнил его в лицо. Воронцов осторожно устроился обратно на край сиденья и больше экспериментов не проводил.

Только. Э-э-э? У петухов горели глаза в темноте?! Или Роман насколько плохо разбирался в животных? Или ему показалось? Воронцов покосился на корзинку: но она больше не шевелилась.

Прошёл ещё, наверное, час. Роман не был уверен — сначала он считал до ста, потом в обратном порядке, потом снова вперёд. Согреться не выходило. Холод добрался до костей и остался под кожей. Запах бензина стал невыносимым. Тошнота подкатывала к горлу волнами, особенно на поворотах, когда пазик кренился и подпрыгивал. Роман зажмурился, уткнулся в рукав и постарался не думать. Как-то само собой пришло полудремотное состояние — что-то между обмороком и сном. Всё тело ныло, пальцы на ногах уже не чувствовались. В ушах шумела безмолвная река.

Ему снилось, что он снова на том самом берегу. Там, где он выбрался из воды — мокрый, уставший, сразу зацепился и упал, став ещё и хромым. Только теперь всё было невыносимо громко. Ни ветра, ни звуков. Но будто сам воздух взрывался и кричал, давил на уши. Роман зажал их ладонями, но не помогло: на барабанные перепонки давило, что именно? — он понять не мог.

На камнях стояла девочка. Маленькая, лет шести, в не то чёрном, не то тёмно-коричневом платье. Платье висело меш-

ком, рукав был подран. Она стояла и смотрела на реку.

Роман обернулся. В туман, прочь от неё, медленно и беззвучно, уплывала лодка.

В этот момент пазик резко затормозил. Роман дёрнулся вперёд и с глухим «бум» врезался лбом в спинку сиденья. Он не успел даже вскрикнуть.

— Вставай, утопленничек, приехали, — захихикали бабульки, как по команде. Три скрипучих голоса слились в один.

Воронцов приподнялся, ошарашено оглядываясь. Автобус больше не трясся. Всё стихло — мотор замер, только где-то под капотом ещё щёлкало остывающее железо.

Шторка между салоном и водителем отъехала вбок. Её отодвинула рука — длинная, как ветка, с узкими пальцами, сухими, будто деревянными, и когтями, как у птицы. Роман застыл.

Две бабульки перед ним вдруг залезли с ногами на сиденья. Они нависли над ним — крохотные, но... Роман только теперь понял, насколько они были... ну, странные. Мягко говоря. Ни одна не дотягивала до метра ростом, все скрюченные, сгорбленные, все три прихрамывали. Одеты они были в старые, пыльные одежды, цветастые, но давно выцветшие платки. Пёстрые шали. Резиновые ботинки.

И вот они сняли платки. Под ними были лица. Сухие, морщинистые, с заваленными внутрь щеками, отвисшими подбородками. Но самое главное — глаза. Мёртвые, впалые гла-

за, что остались лишь глазницы, а белков больше не было. И они светились. Красным, тусклым светом.

Роман подавился собственным криком.

— Твоя остановочка, утопленничек, — сказала другая бабулечка.

Голоса у них были шершавыми. Сухими, как будто скрипели ногтем по стеклу. Они прищурились. Улыбнулись. Зубы были острые. Мелкие, неровные, как у щуки. Грязно-жёлтые. Подходящие для такого лица.

Роман догадывался, что совершает ошибку. Но он закричал и потерял сознание.

Роман приходил в себя медленно. Сначала перед глазами была только темнота. Всё кружилось, его поташнивало, голова гудела. Он не понимал, где находится, но слышал голоса, они пробивались к нему будто через толщу воды. Русскому Романа с детства учили прадедушка и дедушка, но обрывки слов собирались во французские слова, не имевшие смысла.

Но голоса всё громче, слова разобрать было всё проще.

— ...так это, вон, внучка подобрали, — сказал скрипучий старческий голос.

— ...так мы думали, он мёртвый, — поддакнула другая.

— Совсем холодный был, — подтвердила третья.

Кто-то крикнул — резко, зло, — но слов Роман не разо-

брал. Следом звук будто разбили что-то.

— Мы и решили, утопленничек... — продолжала первая.

— Мокрый весь внучок был, — вторая.

— Он ведь сам нас остановил, — третья.

Голоса были одинаковые. Точно! Это ведь те бабульки из автобуса, Роман не сразу их узнал, но спутать было сложно.

Повисла пауза. Где-то тикали старые часы — не громко, но глухо, будто из другой комнаты.

— То есть как это, сам остановил? — спросил женский голос. Совсем другой. Ровный, уставший, раздражённый. Воронцов его совершенно не узнавал.

В нос ударил запах трав и живого огня: дымный с хвойными нотами.

— Мы поэтому и решили, что он мёртвый уже, Василисушка, — торопливо заговорила одна из бабулек.

— Мёртвый, мёртвый, Василисушка, мы бы к тебе живого не привезли, — вторая.

— Не привезли бы, Василисушка, — подтвердила третья, жалобно. — А он мёртвый совсем, синющий, точно утопленничек.

— А ну тихо! — рявкнула та женщина. В голосе металл. Послышались шаги. Пол под ней скрипел, коротко и неприятно.

— Ещё раз, — сказала она тише. — С начала.

— Мы с города ехали, — заговорила бабка.

— С архангельского города, — поддакнула вторая.

— Пакости делали, на рынок забежали, ну как всегда, Василисушка, — третья.

— А там он, — сказала первая.

— А там он! — вторая.

Женщина снова тяжело вздохнула. Почти застонала.

— Да объясните вы мне нормально, откуда он взялся?! — крикнула она.

— Едем мы, — снова бабулька. — А он на обочине стоит. Думаем, не увидит.

— Он и не должен бы, коли бы живой был, — вставила другая.

— А он замахал, закричал, чтоб мы остановились. Мы и остановились. Решили — точно утопленничек, — сказала третья.

— Он ещё с нами поздоровался, и Борьку нашего видел! — добавила первая.

Борьку? Роман вспомнил корзинку и светящиеся глаза. Значит, в корзинке был «Борька». Кто «Борька»? Что такое «Борька»?..

Слово «утопленничек» кольнуло. Сначала просто мелькнуло, как что-то странное, потом зацепилось. Роман поморщился, приоткрыл глаза, но снова закрыл — тьма резала. Или не тьма... просто стало как-то... *слишком*.

Он лежал на чём-то жёстком. Под спиной — доски. Неровные, местами шероховатые, точно не кровать. Голова всё ещё гудела. А в голове всё крутилось: утопленничек...

утопленничек...

Он попробовал подумать. Если бы он действительно утонул... ну, допустим. Что тогда? Тогда всё действительно складывалось слишком правильно. Лес ему привиделся. Дорога тоже привиделась. Водоросли, коряги, берег... Туман не кончался, будто ни солнца, ни неба вообще больше нет. Пазик. Бабулечки. Маленькие, кривенькие. Все как одна. В цветастых платках. И все, вон, говорят, что не живой он. Утопленник.

Роман сглотнул.

— Тогда где я? — подумал он. — И кто эти бабулечки?... И кто такая эта, как они сказали? *Василисушка*?..

Воронцов решил, что это имя. Похоже на имя. Пускай такого имени он никогда не слышал раньше.

Роман чуть-чуть приоткрыл один глаз. Потолок был низкий. Из досок, закопчённых временем. Стена — рядом, в углу — печка, старая, настоящая, как из книжки. Пахло горящим деревом и какими-то травами. Всё вокруг казалось не то просто старым, не то брошенным. В потолке не хватало балки. Но не холодно. Даже тепло. Половицы скрипели.

Часы тикали. Долго, ровно, без спешки. Как будто времени было полно. Роман тихо выдохнул и снова закрыл глаз. Бабулечки причитали, но больше не выдали ничего полезного. Только «прости, Василисушка».

Всё ещё хотелось надеяться, что это просто сон. Или бред. Или хоть что-то объяснимое. Но слово «утопленничек» не

отпускало. Умирать Роману не хотелось, но темнота вокруг будто протянула к нему когтистые лапы и утащила к себе в нору.

Роман очнулся снова. На этот раз сразу открыл глаза, боль оглушила, но быстро отступала. Ровный, чуть желтоватый свет слепил. Стены деревянные. Потолок деревянный. Пахло деревом.

Над ним стояла девушка. Они оба молчали.

Роман сначала просто смотрел. Потом прищурился. У неё были глаза где-то между коричневым и тёмно-серым. Тёмные волосы где-то касались плеч. Где-то нет, будто их или отрезали на глаз, или без зеркала и собственными руками. Бледная. Выражение лица было не раздражённым, скорее усталым. Или нет — не усталым, а таким... таким?..

Она могла быть чуть старше двадцати пяти, но ощущение, что ей за тридцать, не уходило. Синяки под глазами. Вон та прядь, что начиналась на лбу, но её спрятали под все волосы и за ухо — это свет такой, или седая? Роман не мог рассмотреть. Дама стояла ровно, руки в боки, как будто отчитывала его, но поняла, что бесполезно и замолчала. Но пока отчитывала, очень-очень устала.

На ней было платье с фартуком. На подоле — вышивка. Чёрная нитка, неяркая, но аккуратная. Пояс широкий, тоже

с вышивкой.

Воронцов не знал, что сказать. Слова как-то не приходили. Девушка тоже молчала. Только слегка наклонила голову. Кажется, ждала.

Если Роман, действительно, утонул, то чего и говорить? Но дедушка воспитал его вежливым и учтивым, даже если он умер, и его труп из реки выловили какие-то странные личности.

Роман прокашлялся.

— Эм... здравствуйте? – Какой же хриплый у него голос. Девушка не ответила, но уголок её губ чуть дрогнул. Не улыбка, скорее — усталое подтверждение, ну, того, что она там про него думала.

Роман снова посмотрел на вышивку на её одежде. Мелкая, повторяющаяся, в каком-то старинном стиле. Фигурки сплетались вместе. О, отлично, галлюцинации не заставили себя ждать: Роман чем дольше на них смотрел, тем больше был уверен, что в узор собирались маленькие человечки и птицы, которые теперь кружились ему на потеху.

Роман оторвал взгляд от её пояса.

— Где я?

Вопрос глупый. Но спросить «мёртвый ли я», представлялось Роману глупее.

Девушка наконец издала хоть какой-то звук. Она вздохнула.

— Живой? – будто осуждая, спросила она.

Роман чуть приподнялся. Голова закружилась. Он плюхнулся обратно.

— Я бы очень хотел это знать, — нервно рассмеялся он.

Она вздохнула. Закатила глаза. Но кивнула. Медленно. На лице ни одной эмоции, ну, может, презрение.

Он закрыл глаза. Шумно выдохнул.

— А бабушки говорили, утопленник... — пробурчал Воронцов.

— А ты побольше этих кикимор болотных слушай, — фыркнула она.

— Они... плохие? — не понял Роман.

— Они нормальные были, пока вещи свои не собрали да из домов в лес не убежали. Лет тридцать как на болоте живут, совсем последние мозги прогнили у них. — Девушка всплеснула руками и отошла куда-то в сторону, Роман не мог сесть, и, лёжа, её больше не видел. — Живого от мёртвого не отличить, это ж надо было!

Пауза.

— А вы кто? — на всякий случай решил уточнить Роман.

Она заворчала. Снова пауза. Половицы вдруг скрипели оглушающе громко.

— Меня Роман зовут, — первым назвал он. — Роман Георгиевич Воронцов.

Она фыркнула.

— Удачи, Рома. Ты ещё каждому упырю представься,

больно ты живой.

Воронцов иронии не понял. Он-то и своё имя едва узнал, во Франции все звали его «Роман», даже дедушка. Воронцов прадеда помнил, тот был последним, кто звал его «Рома».

— Я из байдарки... выпал, — Роман осёкся, но всё же решил не вдаваться в детали.

— Обратно бы залез, — буркнула девушка.

— С ней было что-то не так, — снова не соврал, но смолчал о своих догадках Воронцов.

Он замолчал. Она тоже.

— Так я утонул или нет?! — первым не выдержал Роман и резко сел.

— Нет, — коротко ответила она, не оборачиваясь. Просто стояла, глядя куда-то в угол. В её голосе не было ни раздражения, ни заботы. Просто факт.

Роман шумно выдохнул и схватился за голову. Боль простреливала изнутри, от затылка к глазам. Как похмелье, но хуже. Гораздо хуже.

— А голова-то болит, — пробормотал он, словно оправдываясь. — Как будто действительно живой.

Она не отозвалась, всё ещё стояла, не двигаясь. Спина прямая, руки в боки, как будто сейчас собирается отчитывать... Но смотрела она в стену, где точно никого не было, кроме нарисованного узора. Кстати, похожего на тот, который был вышит на её платье. Седая прядь выбилась на лоб, и она быстро убрала её за ухо. Глянула назад и через пле-

чо поймала взгляд Романа, чуть дёрнула уголком губ. Почти ухмылка.

— Почему вы тогда все... — он замялся. — Ну... «утопленничек», вот это всё?

— Потому что ты выглядел как утопленник, — пожала плечами она. — А ещё они тупые. Вот и перепутали.

Она вздохнула. Роман нахмурился.

— В смысле?

— Живым тут не место, а они тебя притащили, — отмахнулась она.

Роман уставился в потолок. Несколько секунд никто не говорил.

— Классно, — пробормотал он. — Звучит, как будто я не живой, но и не мёртвый. Такой... между.

Она хихикнула. Коротко, Воронцов даже растерялся и дёрнулся, чтобы увидеть, что ему не послышалось. Но не успел, улыбки на её лице больше не было. А вот голова от любых резких движений болела больше. Роман снова застыл и зажмурился.

— А у вас здесь, этот, есть, как его... аспирин?

Она фыркнула.

— А МРТ аппарат, чтобы целостность черепа проверить, тебе не нужно?

— Не помешало бы, — неоднозначно ответил Роман и улыбнулся.

Пожалуй, это было первое слово, которое он по-русски со-

вершенно не понял. «МРТ» — но «аппарат» рядом намекало на какую-то медицинскую технику. Он даже «утопленничек» догадаться легче смог, там корень от «утопленника»-то остался.

Девушка всё ещё молчала. Стояла в том же положении, будто замерла. Или не хотела ничего говорить — а может, просто ждала. Роман медленно выдохнул и обвёл взглядом помещение.

Дом? Или «изба» было словом более подходящим? Она была тёмная, впрочем, на улице давно должно было стемнеть. Но даже в самый солнечный день свет сюда бы пробивался тускло — через маленькие мутные оконца, с неровными, как будто запотевшими стёклами. Где-то потрескивало дерево — то ли печка, то ли сама изба ворчала от времени. Пахло пылью, с нотками старого дерева, золы и чего-то вроде... чего-то съестного. Роман вдруг слишком внезапно вспомнил, что совсем недавно едва ли не умирал от голода.

Воронцов лежал на лавке. Деревянной, явно выдавшей вид, старой, но очень крепкой лавке. Слева от него белела массивная печь. Слегка растрескавшаяся по углам. На печи, прямо на её краю, лежал... Роман надеялся, что кот. Или клубок тряпья, который дышал. Или, как там его? «Борька». Воронцов поежился, потому что до конца, что такое «Борька» уверен не был.

Рядом была полка с посудой и какой-то странной деревянной утварью. Медные кружки, глиняный горшок, ножи с ко-

стоящими ручками. Всё это выглядело... не как в музее, а как будто использовалось. Только что. И много лет подряд.

По стенам шли тяжёлые лавки, на полках над ними лежали свёрнутые ткани, старые книги, чугушки. Сундук в углу.

Одной половицы не хватало. Вторая торчала, оторвавшись от своего положенного места. Дом не был уютным. Роману было не по себе, пожалуй... Он осторожно глянул на потолок — да — именно из-за них. Узоров. Стены были расписаны причудливыми узорами, красной и чёрной краской, которые перебирались на деревянный потолок. Они были красивыми, пускай не все линии идеальными, и где-то можно было рассмотреть лошадку со слишком большим хвостом, или вон те, казалось бы, кривые, вытянутые птицы... Нет, дело было не в рисунке.

Роман глянул на девушку — она всё так же молчала. Стояла к нему спиной и что-то там раскладывала, перебирала, скорее.

Красная краска больше напоминала запёкшуюся кровь. Чёрная... разлитые чернила? Роман не знал, почему от неё тоже становилось жутко. С другой стороны, краски явно старые. И в таком оттенке красного не было ничего... ну, особенного. Воронцов потерянно повёл плечами, будто скидывая с себя наваждение, и резко отвернулся. Узоры манили. Но и пугали.

И тут ему в голову ударило — не мысль даже, а воспоминание, когда бабулечки говорили. Мол, думаем, не увидит.

Роман пазик увидел. Мол, не должен был. Но Воронцов увидел! Они ещё едва мимо него не проехали, если бы он следом не побежал.

Роман глянул на девушку, пытаясь кое-как опустить с лавки ноги и встать. Он только сейчас заметил, что его прикрыли пыльным шерстяным пледом. Из мокрой одежды на нём только трусы оставили, вон она, его одежда. Сушилась на верёвке в углу.

Он неуклюже сел, наклонился вперёд, кутаясь в плед.

— А это что значит? — спросил он. — Он и не должен бы видеть?

Девушка резко обернулась и подняла брови. У неё было поразительно выразительное лицо, но лишь на ряд эмоций. К сожалению для Романа, эмоций группы «презрение», «пренебрежение» и, возможно, «усталость».

— Ну? — настаивал Роман. — Почему не должен был? И кого?

Она пожала плечами, будто этот разговор ей наскучил. Но всё-таки ответила, тихо:

— Пазик. Кикимор. Живые обычно мёртвых не видят. Их видят мёртвые, да такие... — она помедлила, — такие как мы.

— Кто — «мы»? — тут же переспросил Роман.

Ответа не последовало. Он снова схватился за голову. Гудело так, будто в ней завёлся храм с колокольной. Ему перед сделкой один такой показали, мол, смотри, как звонарь старается. Роман православный храм и потуги его звонаря тогда

не оценил, только вежливо покивал.

— Я видел, — вздохнул Воронцов. — Я же точно видел... вас всех. Пазик ехал по дороге, внутри три бабушки и дед сопел на заднем ряду, корзинки, внутри одной глаза светились, как вы его зовёте? «Борька». Потом с места водителя та лапа когтистая показалась, а потом и сами старушки изменились в лицах, и...

Девушка подняла на него взгляд, и впервые в её лице появилось хоть что-то похожее на интерес. Не улыбка, не презрение. Скорее, внимание.

— Вот именно, — сказала она, не спуская с него глаз. — Видел. С тобой ничего похожего раньше не случилось, Роман Воронцов?

Сколько Роман ни ломал голову, он был абсолютно уверен: с ним такого раньше никогда не случалось. Ни кикимор, ни светящихся глаз в корзинке, ни пазиков, набитых подозрительными бабками. Ни людей, которые вроде бы живые, но говорят о себе будто мёртвые.

Девушка, по-прежнему не называясь, махнула рукой в сторону стола — мол, садись. Она накладывала из чугунного горшка еду. В тарелках оказалось... что-то. Крупа, но с неопределяемыми ингредиентами: то ли корни, то ли грибы, то ли мясо — если повезло. Пар от неё шёл густой и пах...

вкусно.

— Василисушка? — вспомнил вдруг Роман, как называли её те самые бабки. Он ей улыбнулся.

Она уже протягивала ему тарелку, когда резко одёрнула руку и тут же другой — замахнулась ложкой. Деревянной, но не менее угрожающей размерами.

— Ты ещё туда же! Мало мне этих кикимор, — прикрикнула она, — ещё раз посмеешь так меня назвать — останешься без ужина.

Роман вскинул руки в притворной защите, чуть не уронив плед.

— Но ты не сказала, как тебя зовут, — как можно невиннее протянул он и даже улыбнулся шире. Ну или попытался.

Она буркнула что-то неразборчивое и, фыркнув, наконец вручила ему тарелку. На этом её агрессия иссякла. Роман принял еду и быстро понял, что голод побеждает осторожность. На вкус похоже на тушёные корни с чем-то — к счастью, без глаз. Особенно светящихся, Борька сопел на печке.

Девушка всё ещё не говорила, но и не уходила. Поставила себе тарелку напротив, села и принялась есть, молча, не поднимая глаз.

Роман между ложками исподтишка изучал её. Усталая, да. Вот и огрызается на него, наверное, от него у неё дел стало больше. А она и так очень устала. Воронцов подумал, что она всё-таки хорошая. Вон — пледом его накрыла. Одежду сухую не дала? Ну так, может, нет у неё мужской. Она ведь

мельче его раза в полтора. Кормит. И не выгнала, хоть и могла бы. И Роман решил — хватит с него «выкать», она же с самого начала на него «ты» говорила.

— Спасибо, — сказал Роман, подвигая к себе тарелку. Горючее, простое, но сытное — организм принимал без возражений.

Она пожала плечами, не поднимая взгляда.

— Так как тебя всё же зовут?

Ответа не последовало. Только снова то же самое пожатие плечами.

Роман нахмурился.

— Ну а как мне тебя звать?

— Никак, — отрезала она. — Не зови меня. Иначе на улицу в дождь выгоню.

Он хмыкнул, но всё же повернулся к окну. За мутным стеклом и впрямь лило как из ведра — вода ручьями сбегала по крыше, с шумом барабанила по подоконнику, будто кто-то монотонно стучал костяшками пальцев. Он не заметил. Да, она точно добрая, пускай и показывает обратное.

— Ночью через лес особенно опасно ходить, — продолжила она, всё так же не глядя на него. — Но ты под таким дождём далеко не уйдёшь.

— Спасибо, — Роман улыбнулся.

— Я тебе, тупица, считаю, сколько раз ты можешь умереть в этом лесу, а ты «спасибо», — передразнила она, сморщив нос и подражая его голосу.

Роман только шире улыбнулся, почти по-детски. Что-то в ней было — такое, что не хотелось бояться.

— Василиса я, — наконец сдалась она и посмотрела ему прямо в глаза.

— Приятно познакомиться, — сказал Роман, не переставая улыбаться.

Василиса закатила глаза.

— А мне нет.

— Ты всегда такая? — хмыкнул Воронцов, уже понимая, что с ней по-другому нельзя. Ему на удивление начинало нравиться: она ворчит, бурчит, но *помогает*. Роман знал слишком много людей, которые улыбались и ставили подножку.

— А ты всегда картавишь? — огрызнулась она мгновенно.

— Я? Да, — Роман развёл руками. — С детства. Дедушка никогда не настаивал, чтобы я хорошо выговаривал русские буквы.

Василиса прищурилась. На лице появилось новое выражение — настороженное, почти изучающее.

— Да русский я, — пояснил Роман. — Просто моя семья сбежала в Париж от революции ещё в прошлом веке.

— А сюда ты поплавать в Белом море приехал? — язвительно поинтересовалась она. — Мол, ты посчитал себя недостаточно белым?

Роман хохотнул, а вот Василиса улыбку спрятала.

— Вообще-то я работаю в компании моей семьи, — пояс-

нил Воронцов. — Меня отправили в Санкт-Петербург подписать некоторые договоры с российским подрядчиком. Потом коллеги позвали отдохнуть — покататься на байдарках. Я и решил, что пора впервые в жизни попробовать... Я в России впервые в жизни, у меня вся семья всё ещё боится возвращаться, — он развёл руками. — Тонуть я, поверь, не собирался.

Василиса шумно вздохнула. Она делала это с такой частотой, будто у неё была квота на раздражение.

— Ладно, — сказала она, — провожу тебя завтра до города. Сама. Потеряешься ведь.

— Я не неженка, — обиженно сказал, но не обиделся Роман, чуть театрально выпрямляя спину.

— А здесь тебе не Франция. И даже не спокойная часть России, — отрезала она. — Днём мертвецов меньше, но как только солнце за горизонт — так тебя здесь каждый куст загрызёт. — Василиса провела ребром ладони по шее. — До Архангельска всего-то шесть часов пешком.

— Сколько?! — возмутился Роман.

— Можешь взять велосипед, — пожала плечами она.

— А может, попросим подбросить нас на пазике?

— Они ездят когда хотят, а не по расписанию. И уже уехали, — сказала Василиса. — Вернутся, когда захотят приехать. Может, завтра, а может, через месяц. Я тебя настолько в гости не приглашала.

— Я возьму велосипед, — смирился Роман.

Ему не понравилась усмешка Василисы. Всего на секунду, что Воронцов был, скорее, уверен, что ему показалось. Поэтому он и думать о том забыл.

Ночью в избе было тихо, если не считать тихого потрескивания печки и дождя, что всё не унимался за окном. Василиса махнула ему рукой: мол, ложись на печь. А сама куда-то исчезла — Роман краем глаза уловил, как она карабкается по скрипучей лесенке на чердак.

Там, на печке, было жарковато, но после байдарки, дождя и чудо-пазика — почти курорт. Да, не прибрано. Да, поленья где-то в углу, и сажа под боком. Но тепло. И плед. И даже — странным образом — чувство, что его кто-то не просто пустил переночевать, а спас.

Подушки ему не полагалось. Роман уснул, как только уронил голову на сгиб руки — с лёгкой, неуместной, но непрощибаемой уверенностью в том, что у него всё получится.

Роман Георгиевич Воронцов *всегда* верил в свою удачу.

Я вздохнула, опуская фотографию отца лицом вниз. От людей — одни проблемы, но от этого проблем обещало быть ещё больше. Я не знала почему, предчувствие. Но не выго-

нять же его в лес, там любые мертвяки его сразу сцапают, а мне потом труп прятать. Вернее, что останется прятать, отчёт заполнять, мол, так и так, на моём гектаре...

– Завтра от него избавлюсь, – вслух сказала я, устраиваясь спать.

Я не понимала, как он так далеко забрел и никого не встретил. Или встретил, но отбился. Я вообще слишком многое про Романа Воронцова не понимала.

Но, пожалуй, видимо тоже удивившись гостю, в ту ночь голоса из-под дома звали «*Василиса*» особенно тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.